

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Дизайн обложки *Н. Никоновой*

Редактор серии *А. Антонова*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Овечка в волчьей шкуре : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-110806-9

Любящий муж, спокойная жизнь — все есть у молодой женщины Анны Шульгиной. Но ее счастье длится совсем недолго. За ней начинается настоящая охота, и среди преследователей не только бандиты, но и... собственный муж, и родители. К удивлению Анны, она обнаруживает, что владеет английским и арабским. Но откуда все это — она не представляет, потому что после автокатастрофы совсем не помнит своего прошлого. Так кто же ты, Анна?..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110806-9

© Полякова Т.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Врач выглядел озадаченным.

— Когда вы попали в аварию? — спросил он, разглядывая рентгеновский снимок.

— Год назад, — сглотнув, ответила я. Наш разговор мне все больше и больше не нравился: что он увидел на этих снимках, не говорит, а вопросов задает слишком много. — Что-нибудь серьезное? — спросила я. Вышло это у меня как-то испуганно.

Он взглянул из-под очков и профессионально улыбнулся, затем накрыл мою ладонь своей и ласково сказал:

— Анна Ивановна, мы здесь для того, чтобы разобраться, почему вас мучают частые головные боли. После аварии вы лежали в больнице «Скорой помощи»?

— Да, то есть нет. Я действительно находилась в больнице «Скорой помощи», — злясь на саму себя, вздохнула я, — но в Екатеринбурге. В то время мы жили там. А сюда переехали уже после аварии.

— А медицинская карта у вас сохранилась?

— Нет. Видите ли, мы отправляли вещи же-

лезнодорожным контейнером, и он куда-то запропастился. А когда прибыл по назначению... в общем, все наши вещи исчезли. — Он смотрел на меня с сомнением, а я неожиданно покраснела, хотя говорила чистую правду; все так и было: именно по этой причине (я имею в виду пропавший контейнер) у нас с мужем не было не только медицинских карт, но даже ни одной старой фотографии, никаких дорогих сердцу безделушек, милых сувениров на память, которыми непременно обзаводится любая семья.

— Расскажите мне об этой аварии, — вдруг попросил врач, а я смутилась: ничего о самой аварии я не помнила, так же как и о том, что ей предшествовало. О двадцатичетырехлетнем периоде своей жизни я знала исключительно со слов мужа. Но посвящать в это сидящего напротив человека я не собиралась, он и так смотрел на меня с подозрением, точно я шпион, террорист или наемный убийца из сериалов. Впрочем, я скорее всего преувеличиваю и интерес его действительно профессиональный. Я вздохнула и неуверенно начала:

— Авария произошла год назад, в мае. Я возвращалась с работы, уже стемнело. Я сворачивала к своему дому и влетела в «КамАЗ», оставленный кем-то возле тротуара. Несколько дней находилась без сознания. Перенесла две операции. В общей сложности полгода провела в больнице. Извините, наверное, не это вас интересует, но в медицине я не сильна и...

Он кивнул и улыбнулся, как-то странно

глядя на меня. Черт возьми, что он там увидел на этих снимках? Полчаса назад я вертела их в руках, усмехаясь и качая головой: не скажешь, что я выглядела красоткой. Однако ничего интересного на снимках я не обнаружила. Правда, я понятия не имела, как на рентгеновских снимках должна выглядеть здоровая голова, а как такая, как моя.

— Вы делали пластическую операцию? — спросил он, а я почувствовала мягкое беспокойство, точно что-то кольнуло в сердце. Почему меня так испугал его вопрос? Я не знаю, делали мне пластическую операцию или нет, зато точно помню свое ощущение, когда впервые после аварии посмотрела в зеркало. Такой же укол в сердце и странная тоска, будто вовсе не свое лицо я видела, будто мне поменяли тело... Конечно, это ужасная чепуха, Андрюша объяснял мне, что это результат стресса, есть даже специальный медицинский термин, только я его не запомнила. В конце концов, если я умудрилась забыть свое имя, почему бы мне не забыть, как я выглядела до того, как влетела в этот проклятый «КамАЗ»?

Тут я сообразила, что врач все еще вопросительно смотрит на меня, а свой вопрос он задал никак не меньше минуты назад.

— Извините, — пролепетала я и зачем-то соврала: — Мне действительно делали пластическую операцию, я ведь ударилась головой и на лице остались шрамы... — «Какого черта я вру?» Если он спрашивает об операции, то ско-

рее всего неспроста, что-то он там увидел на этих снимках. Андрюша должен знать, была операция или нет... Как странно, что я ничего, совершенно ничего не помню. Когда я задумываюсь над этим, мне делается страшно и никакие медицинские термины не помогают. Бесчисленное количество раз я пыталась вспомнить, я повторяла слово «мама», искренне надеясь, что увижу ее лицо перед своим мысленным взором, и ничего не видела, сплошная белая пелена. Когда мы говорили с мамой по телефону, я вслушивалась в ее голос и вновь пыталась представить ее лицо, но ничего не получалось. Видно, дела мои совсем плохи, иначе как еще объяснить такое?

Мои родители живут в Екатеринбурге. Весь месяц после аварии, пока я лежала в реанимации, они неотступно находились рядом. Затем меня перевели в клинику, в другой город (кстати, какой, я до сих пор не знаю), и родители вместе с Андрюшей сопровождали меня. Потом папа вернулся в Екатеринбург, чтобы продлить отпуск, и тут сказалось напряжение последних дней (я у родителей единственный ребенок), в дороге у него случился инфаркт. Его сняли с поезда на каком-то богом забытом полустанке, мама бросилась туда. Словом, когда я окончательно пришла в себя, мы с мамой так и не встретились: она не могла оставить отца, которому врачи рекомендовали покой (слава богу, чувствовал он себя неплохо), из санатория муж привез меня в этот город (Андрюшу перевели

сюда из Екатеринбурга за два месяца до аварии). Одну меня он в Екатеринбург не отпускал, а с отпуском у него были проблемы. Впрочем, в августе он точно возьмет отпуск и тогда мы поедem, а пока раз в неделю болтаем с мамой по телефону...

— Вас что-то мучает? — Еще один странный вопрос.

— Нет, почему? — испугалась я.

— Анна Ивановна, кроме частых головных болей, есть еще что-то?

— Что вы имеете в виду?

— Депрессия, сонливость?

— Нет, ничего такого... Я очень хочу ребенка, — брякнула я, глядя ему в глаза. — То есть я и мой муж, мы очень хотим ребенка. У меня были проблемы после аварии, я сейчас прохожу курс лечения у гинеколога, она интересовалась, как я себя чувствую, я пожаловалась на головные боли, и она направила меня к невропатологу, а он к вам.

— Да-да, я понял, — кивнул он. — Что ж, надеюсь, вы скоро станете мамой. — Улыбка у него вышла какой-то кривой, а я испугалась:

— Скажите, что со мной?

— В каком смысле? — поднял он брови.

— Это что, какая-то неизлечимая болезнь? Я могу умереть, да?

— К сожалению, мы все... как бы это выразиться... мы смертны, одним словом, но у вас столько же шансов дожить до глубокой старости, сколько у любого другого человека. Вы по-

лучили серьезную травму, а головные боли — ее последствие. Будем надеяться, что они пройдут. — Он стал что-то писать в моей карточке, затем заполнил рецепт и протянул мне. — Всего хорошего.

— До свидания. — Я покинула кабинет, занятая своими мыслями. В коридоре я взглянула на часы. Через двадцать минут у Андрюши обеденный перерыв — если я возьму такси, то успею перехватить его у проходной.

Я приехала даже раньше, устроилась на скамейке, откуда были хорошо видны массивные двери, достала зеркало, подкрасила губы, рука с губной помадой неожиданно замерла, а я со странным чувством принялась разглядывать свое лицо. Короткий нос, пухлые губы с красивым рисунком, едва заметная ямочка на подбородке, высокий лоб, большие глаза медового цвета с темными крапинами ближе к зрачку. Муж говорит, глаза у меня рысьи, наверное, так оно и есть... Длинные волосы, темные брови и ресницы, прибавьте довольно смуглую кожу, в начале лета она выглядит так, будто я только что вернулась с курорта в тропиках. Косметикой я не пользуюсь, у меня и так слишком яркое лицо. Слишком яркое, слишком правильное, слишком красивое... Стоп, о чем это я? Допустим, мне делали пластическую операцию. Ну и что? Допустим, немного подправили то, что было отпущено мне богом... Как я вы-

глядела раньше, какой я была? Хотя бы раз увидеть свое лицо... Что за глупости, вот оно, мое лицо. Я даже толком не знаю, была пластическая операция или нет, и нечего фантазировать.

Я торопливо убрала зеркало и в тот же миг увидела своего мужа, он как раз выходил из дверей, замер на крыльце и быстро огляделся. Он всегда так делает. Когда я обратила на это его внимание, он засмеялся и сказал, что это профессиональное. В Екатеринбурге муж работал в спецподразделении по борьбе с организованной преступностью, а здесь устроился охранником в Горводоканале. Конечно, работа для него совершенно неподходящая, но он утверждал, что она ему нравится, а главное — график позволял нам много времени проводить вместе. Официального обеденного перерыва у него нет, поэтому он не приезжает домой, а обедает в кафе, прямо напротив Горводоканала. Сейчас он направился туда.

— Андрей! — окрикнула я, он обернулся, а я бросилась ему навстречу.

Светлые, коротко стриженные волосы, крупные черты лица, темные очки. Казалось, лицо его высечено из гранита, впечатление усиливал высокий рост и сложение боксера-тяжеловеса (Андрей в самом деле занимался боксом, правда, довольно давно, он даже выиграл какое-то первенство. Жаль, что все его призы потерялись с тем контейнером). Андрей улыбнулся, увидев меня, снял очки, и лицо его мгновенно

переменилось: ярко-синие глаза смотрели на меня с нежностью.

— Привет, малыш, — сказал он. — Ты откуда?

— Из больницы, — ответила я, хватая его за руку. — Пообедаем вместе?

Он торопливо взглянул на часы, а потом перевел взгляд на стоянку, где была наша машина.

— Давай-ка домой.

— Там только пельмени, — предупредила я. — Я с десяти утра в больнице и...

— Я обожаю пельмени, — кивнул он, и через пять минут мы уже выезжали на проспект. — Ты была у врача? — спросил он.

— Да.

— Есть новости?

— Пока нет... — Я неожиданно смутилась, отвела взгляд, Андрей повернулся, весело подмигнул и поцеловал меня в висок.

— Все будет хорошо, — сказал он уверенно.

— Врач то же самое говорит...

— Вот видишь.

Мы въехали во двор и вскоре тормозили у подъезда, лифт не работал. Бегом мы поднялись на второй этаж, Андрей распахнул дверь, втолкнул меня в прихожую и торопливо обнял.

— Я соскучился, — сказал он с улыбкой.

— А как же пельмени? — усмехнулась я.

— Ну их к черту...

— Андрюша, мне делали пластическую операцию? — спросила я, торопясь приготовить ему бутерброды. Он пил кофе из большой чашки, одновременно стараясь попасть ногой в ботинок.

— Что? — спросил он.

— После аварии мне делали пластическую операцию? — Голос мой дрогнул, и взгляд я отвела, хотя изо всех сил старалась, чтобы вопрос прозвучал как бы между прочим.

— Пластическую операцию? — Андрей выглядел озадаченным. — После операции у тебя на лице оставалось несколько шрамов, их убрали. Я не знаю, можно это назвать пластической операцией?

Он оставил в покое ботинок, вернулся в кухню, швырнул в мойку чашку и обнял меня за плечи.

— Почему ты спросила?

— Я очень изменилась после операции?

Он пристально смотрел мне в глаза, словно хотел прочитать мои мысли.

— Что случилось? — легонько тряхнув меня за плечи, спросил он.

— Ничего, Андрюша, в самом деле ничего.

— Тогда откуда вдруг этот вопрос?

— Не знаю, — соврала я, неизвестно чего испугавшись. — Иногда мне кажется, это вовсе не мое лицо.

— Чепуха. Что значит — не твое?

— Ты не ответил на мой вопрос: я очень изменилась?

— Стала еще красивее, вот и все.

— Я очень изменилась? Поэтому у нас нет ни одной фотографии?

— О господи, Аня, у нас нет фотографий, потому что они были в контейнере, я тебе сто раз рассказывал...

— Извини, — пролепетала я. — Бутерброды готовы.

— К черту бутерброды. И что это за дурацкое «извини»?

— Я вижу, не стоило мне спрашивать... Пожалуйста, прости меня... Представляю, как тебе надоели мои вопросы и... — Слезы брызнули из моих глаз, и я пробормотала отчаянно: — Я ничего не помню. Я совершенно ничего не помню, так не бывает, Андрюша.

— Тихо, тихо, тихо, — зашептал он, прижимая меня к груди. — Ты все вспомнишь, это вопрос времени. Ты обязательно все вспомнишь. Ты говорила об этом с врачом?

— Я хотела, но... все это так по-киношному, точно мелодрама какая-то, я ничего ему не сказала.

— Ему? Разве твой врач не женщина?

— Меня направили к травматологу, я пожаловалась на головные боли и... — Муж взглянул на часы.

— Подожди секунду. — Прошел к телефону, торопливо набрал номер. — Саша, подмени меня с обеда... да... жена плохо себя чувствует...

— Я хорошо себя чувствую, — вздохнула я, когда он вернулся в кухню.

— Да? Значит, я постараюсь, чтобы ты чувствовала себя еще лучше. — Он подхватил меня на руки и слегка подбросил, а я взвизгнула от неожиданности. — Я люблю тебя, — шепнул он. — Почему ты ничего не сказала мне об этом травматологе?

— Что о нем говорить? Жанна Ивановна направила меня к нему, а он стал расспрашивать меня об аварии.

— Когда направила?

— Вчера. Он принимал с одиннадцати. Я сразу же пошла. Мне сделали снимки.

— А это зачем? — Андрей опустил меня на диван и сам устроился рядом.

— Господи, Андрюша, он травматолог, как, скажи на милость, он еще может узнать, что там с моей головой?

— Послушай, детка, у тебя отличный врач, он вот уже полгода тебя наблюдает, а ты идешь к какому-то коновалу и даже не удосужилась поставить меня в известность.

— Он только пичкает меня таблетками и...

— А этот твой травматолог, он что, излечивает наложением рук?

— Ты опять сердишься, — испугалась я.

— Разумеется. Речь идет о твоём здоровье. Ты знаешь, что я пережил полгода затяжного кошмара. Если угодно, твоё здоровье — это мой пунктик. Почему бы тебе не считаться с этим?

— Я его боюсь, — совершенно неожиданно для себя заявила я.

— Кого? — опешил Андрей.